

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9482

Правда как аксиологическая доминанта: В. М. Шукшин в ретроспективе русской литературы

А. С. Собенников

*Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений
(г. Санкт-Петербург, г. Петергоф, Российская Федерация)*

e-mail: assoben52@mail.ru

Аннотация. Концепт «правда» в русской литературе исторически связан с правосудием, праведностью, истиной, справедливостью. Во второй половине XIX в. данный концепт актуализирован в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. В «идеологическом романе» Достоевского акцент делается на обретении героем «правды-истины», «жить по правде» означает жить с Христом. Кроме «правды Божией» в аксиологии Достоевского большое значение имеет «правда народная». Именно народ в сердце своем носит идеал Христа. В творчестве писателя говорится и о правде бытовой: в политике, во взаимоотношениях людей в обществе. Л. Н. Толстой создал целую галерею персонажей, живущих «по правде». В произведениях А. П. Чехова прежде всего показана правда жизни, писателя интересует экзистенциальный выбор героя. Божия правда и народная правда, как правило, явлены у него в самосознании персонажа из народа. В русской литературе XX в. концепт «правда» играет важную роль в творчестве В. М. Шукшина и других писателей-деревенщиков. Шукшин предлагает различать правдивость и правду, правду характера и правду поступка. Правда жизни включает в себя проблему смысла жизни. У Шукшина «народ знает правду», и это не рациональное знание, а строй жизни. Правда становится основой национального бытия. «Правда» Шукшина носила провокативный характер по отношению к эстетике соцреализма с его главным принципом партийности. Писатель опирался не на партийные установки, а на русскую аксиологию. Концепт «правда», связанный с христианской картиной мира и с христианскими ценностями, лежит в основании русской культуры, определяет главные векторы ее развития.

Ключевые слова: русская литература, Шукшин, правда, истина, справедливость, народ, правдивость, праведник

Для цитирования: Собенников А. С. Правда как аксиологическая доминанта: В. М. Шукшин в ретроспективе русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 373–386. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9482

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9482

Truth as an Axiological Dominant (V. M. Shukshin in a Retrospective of Russian Literature)

Anatoly S. Sobennikov

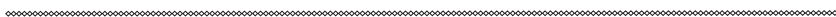
*Military Transport Institute of Railway Troops and Transportation Service
(Saint Petersburg, Petergof, Russian Federation)*

e-mail: assoben52@mail.ru

Abstract. The concept of “truth” in Russian literature is historically associated with justice, righteousness, verity and fairness. In the second half of the 19th century, this concept was actualized in the works of F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, and A. P. Chekhov. In Dostoevsky’s “ideological novel,” the emphasis is on the hero’s finding “truth-verity,” “to live according to the truth” means to live with Christ. Besides the “truth of God,” the “truth of the people” is also of great importance in Dostoevsky’s axiology. It is the people who carry the ideal of Christ in their hearts. The writer also discusses the truth of everyday life in his work: in politics, in the relationships among people in society. Leo Tolstoy created a whole gallery of characters who live “according to the truth.” First and foremost, the works of A. P. Chekhov reveal the truth of life; the writer is interested in the character’s existential choice. God’s truth and the people’s truth, as a rule, are revealed to him in the self-awareness of a character “of the people.” In 20th century Russian literature, the concept of “truth” plays an important role in the work of V. M. Shukshin and other rustic writers. Shukshin suggests distinguishing between truthfulness and truth, the truth of character and the truth of action. The truth of life involves the problem of the meaning of life. According to Shukshin, “people know the truth,” and this is not rational knowledge, but a way of life. The truth becomes the basis of national existence. Shukshin’s *Pravda* was provocative in relation to the aesthetics of socialist realism with its main principle of partisanship. The writer relied on Russian axiology, rather than on party attitudes. The concept of “truth,” which is associated with the Christian worldview and Christian values, is the foundation of Russian culture and determines the main vectors of its development.

Keywords: Russian literature, Shukshin, truth, verity, fairness, people, truthfulness, righteous men

For citation: Sobennikov A. S. Truth as an Axiological Dominant (V. M. Shukshin in a Retrospective of Russian Literature). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 373–386. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9482 (In Russ.)

В русском национальном сознании *Правда* — одна из высших ценностей. В. И. Даль разграничивал *правду* и *истину*:

«...вернее понимать под словом *правда*: правдивость, справедливость, правосудие, правота. *Истина от земли* (достояние разума человека), а *правда с небес* (дар благодости). Истина относится к уму и разуму; а добро или благо — к любви, нраву и воле»¹.

Исторически концепт «правда» связан с правосудием («Русская правда»), а правосудие с Библией («Он (Вседержитель) велик силою, судом и полнотою правосудия» (Иов. 37:23)).

Правда в христианской традиции согласуется также с праведностью, жить по правде означает «праведность» («Кто делает правду, тот праведен, подобно как Он праведен» (1 Ин. 3:7)). А мифологические представления славян, отразившиеся в фольклоре, породили сказку о Правде и Кривде. В словаре В. И. Даля мы найдем несколько десятков пословиц, отсылающих к правде («Правда на Кривду наведет», «Не в силе Бог, а в правде», «Кто неправдой живет, того Бог убьет», «И баба видит, что неправда идет» и др.). В христианской традиции Правда всегда Божья («Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33); «а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин. 3:21); «и Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде» (Ин. 16:8); «Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир» (Иак. 3:18); «мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пет. 3:13) и др.).

Концепт «правда» включает также два основных понятия — истину и справедливость. О правде-истине и правде-справедливости писал Н. К. Михайловский: «Но по-русски есть и еще более яркий пример совпадения разных понятий истины и справедливости в одном слове “правда”»². Не случайно братья Достоевские собирались назвать журнал «Время» «Правдой». Когда основоположник советского государства назвал свою газету «Правдой», он тоже апеллировал к национальным представлениям о должном. В начале XX в. выходил журнал «Правда Православия» (1906–1908 гг.), в годы советской власти множество газет, в заголовках которых стояло слово «правда» («Комсомольская правда», «Восточно-Сибирская правда»

и др.). Герой Пушкина Сальери бунтует: «Все говорят: нет правды на земле. / Но правды нет — и выше», т. е. на небе³. Сальери — один из богоборцев в русской литературе.

Во второй половине XIX в. концепт актуализируется в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, А. П. Чехова, в XX в. в творчестве В. М. Шукшина. В «идеологическом романе» Достоевского акцент делается на «правде-истине», обретении героем «правды». Она восходит к народным представлениям о том, что мир полон несправедливости и страданий, люди живут в грехе, но там, где совпадут правда и истина, утвердится Царство Божие на земле⁴. В последнем романе «Братья Карамазовы» речь идет именно о такой правде. Один из центральных героев романа Алеша «отлично понимал, что для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а главное, всегдашнюю несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть пред ним и поклониться ему: “Если у нас грех, неправда и искушение, то все равно есть на земле там-то, где-то святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит не умирает она на земле, а стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано”»⁵.

В поучениях старца Зосимы говорится о «правде Божией» и о «правде мира»:

«Образ Христов хранят пока в уединении своем благолепно и неискаженно, в чистоте правды Божией, от древнейших отцов, апостолов и мучеников, и, когда надо будет, явят его поколебавшейся правде мира» (Д30; 14: 284).

Под «правдой мира» герой Достоевского подразумевает научную истину, которая в его сознании (и в понимании автора) временна, преходяща, отражает только материальную сторону бытия: «В текстах Достоевского слово *истина* пишется с прописной и со строчной буквы: написанное со строчной буквы оно означает аргументированное, но относительное знание, научный факт, который можно математически доказать, но который не требует веры; написанное с прописной буквы слово вбирает всю полноту религиозного знания, в которой Истина — Христос», — отметил В. Н. Захаров [Захаров, 2017: 16]. «Посмотрите у мирских», — говорит старец у Достоевского, —

«и во всем превозносящемся над народом Божиим мире, не исказился ли в нем лик Божий и правда его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам» (Д30; 14: 284). Для автора романа «жить по правде» означает — жить с Христом. Праведник, живущий с Христом, обретает в земном мире «духовную радость», а когда он «отходит», то «свет его остается» (Д30; 14: 284).

Кроме «правды Божией», в аксиологии Достоевского большое значение имеет «правда народная». Именно народ, по мысли писателя, в сердце своем носит идеал Христа. В «Дневнике писателя» за 1873 г. читаем:

«Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит его в своем сердце искони. В этом нет никакого сомнения. <...> Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания» (Д30; 21: 38).

Христос в сердце — это и есть «правда народная». В черновых набросках к «Братьям Карамазовым» Достоевский записывает такое высказывание старца:

«Ибо наша земля только народом спасется. Правда народная с атеизмом общества — встреча будет страшная» (Д30; 15: 248).

В «Пушкинской речи» Достоевский в качестве примера приводит Алеко, тоска которого — «плач о потерянной где-то и кем-то правде, которую он никак отыскать не может» (Д30; 26: 138). Алеко — «гордый человек» — должен смириться перед народной правдой:

«Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. <...> ...и поймешь наконец народ свой и святую правду его» (Д30; 26: 139).

Правда Божия, правда народная, как и другие «правды», — это аксиология.

Но в творчестве писателя говорится и о правде бытовой: в политике, во взаимоотношениях людей в обществе. В отклике на роман Толстого «Анна Каренина»⁶ он увидел «злобу дня»: как «в центре этой мелкой и наглой жизни появилась

великая и вековая жизненная правда и разом все озарила» (ДЗ0; 25: 52). По мнению Достоевского, Толстой в образе Константина Левина уловил главную особенность времени: появление «нового корня русских людей, которым *нужна правда*» (ДЗ0; 25: 57). Для таких людей *правда* соединяется с *честью*. В «Дневнике писателя» за 1876 г., в главе, посвященной личности Т. Н. Грановского, Достоевский пишет о «политике текущей практичности»:

«Дипломатический ум, ум практической и *насущной* выгоды всегда оказывался ниже правды и чести, а правда и честь кончали тем, что всегда торжествовали» (ДЗ0; 23: 66).

В подготовительных материалах Достоевский отметит:

«Кто же как не историк укажет на высшую честь и правду» (ДЗ0; 23: 172).

И он понимает, что кроме дворянской чести, есть и народная:

«Хоть и слуга, но совесть, честь и правда» (ДЗ0; 23: 190).

Написанная в это время повесть «Кроткая» начинается предисловием «От автора»:

«Ряд вызванных им воспоминаний неотразимо приводит его наконец к *правде*; правда неотразимо возвышает его ум и сердце» (ДЗ0; 24: 5).

В повести концепт «правда» представлен несколькими значениями. Во-первых, есть субъективная «правда» героя, которая на самом деле является ложью. В основе брака должна быть взаимная любовь, а герой вместо любви к жене «создал целую систему». Но в катастрофе он первоначально винит жену:

«О, как ужасна правда на земле! Эта прелесть, эта кроткая, это небо — она была тиран, нестерпимый тиран души моей и мучитель!» (ДЗ0; 24: 16).

И далее:

«Что ж, я скажу правду, я не побоюсь стать пред правдой лицом к лицу: *она виновата, она виновата!*...» (ДЗ0; 24: 17).

Во-вторых, есть нравственная «правда» героини:

«...какая правда в ее осуждении! <...> ...правда засияла как солнце <...> Вся правда поднялась из ее души» (ДЗ0; 24: 19).

В-третьих, правда любви, жалости, сострадания:

«Люди, любите друг друга» — кто это сказал? Чей это завет?» (ДЗ0; 24: 35)⁷.

В «Дневнике писателя» есть ряд статей, посвященных «преступлениям и наказанию»⁸. В них Достоевский размышляет о современном ему судопроизводстве. По его мнению, «современный суд не только победа или высший плод ума, но и самая мудреная вещь» (ДЗ0; 26: 53). Ложь суда в «привычках, с такою счастливою легкостью воспринятых у Европы и укоренившихся в наших представителях защиты и обвинения» (ДЗ0; 26: 53). Прокуроры, судьи, адвокаты заняты собой, своей карьерой и деньгами, а публика в зале суда жаждет «уже не истины, а таланта, лишь бы повеселил и развлек» (ДЗ0; 26: 54):

«Неужели нельзя надеяться, что русская национальность, русский дух когда-нибудь сгладят шероховатости, уничтожат фальшь... дурных привычек, и дело пойдет уже во всем по правде и по истине», — пишет он (ДЗ0; 26: 54).

Л. Н. Толстой создал целую галерею персонажей, живущих «по правде». Это и Платон Каратаев в «Войне и мире», и Фоканыч в «Анне Каренине», и старик Аким в драме «Власть тьмы». В «Войне и мире» повествователь говорит:

«Для нас, с данным нам Христом мерой хорошего и дурного, нет неизмеримого. И нет величия там, где нет простоты, добра и правды»⁹.

Чехов, казалось бы, находится в стороне от этой традиции¹⁰. В его произведениях прежде всего показана правда жизни, писателя интересует экзистенциальный выбор героя, его существование:

«Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная», — писал он одной из своих корреспонденток¹¹.

Божия правда и народная правда, как правило, явлены в самосознании персонажа из народа. В одном из сибирских очерков богатый мужик Петр Петрович спрашивает: «Для чего человек живет?». И сам дает ответ: «Примерно, у нас по всей Сибири нет правды. Ежели и была какая, то уж давно замерзла. Вот и должен человек эту правду искать» (Чехов, 14–15: 22). В чеховском «Студенте» сказано, что «правда и красота» «составляли главное в человеческой жизни» (Чехов, 8: 309). Любимая поговорка народного правдоискателя Андрея Иванова по прозвищу «Редька» из повести «Моя жизнь»: «Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу» (Чехов, 9: 215). И по правде живет только тот человек, кто трудится:

«Ежели какой простой человек или господин берет даже самый малый процент, то уже есть злодей. В таком человеке не может правда существовать» (Чехов, 9: 215).

А в повести «В овраге» говорится:

«И все же в божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и все на земле только и ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью» (Чехов, 10: 116).

Концепт «правда», таким образом, становился фактом и языка, и культуры. Он объединял и верующего в Христа Достоевского, и ищущего своего Бога Толстого, и нерелигиозного Чехова.

В литературе XX века было много наследников классической традиции и В. М. Шукшин один из них. «Нравственность есть Правда. Не просто правда, а — Правда», — говорил он¹². Вслед за Достоевским и Толстым писатель связывал знание правды с народной жизнью, ибо «народ всегда знает правду» (Шукшин, 8: 36). У Шукшина единственным предметом изображения в искусстве должна быть правда жизни и правда времени. «Правда времени живет у Шукшина не только в стенаниях и “выступлениях” героев, нередко даже и вовсе не в них, а в каком-то “воздухе”, психологическом поле рассказа — хорошо ощущаемом при внимательном чтении, но трудно поддающимся логическим, отчетливым определениям», — писал В. И. Коробов [Коробов: 316].

Многие высказывания писателя полемически заострены, он совершенно стихийно не принимал нормативной эстетики

соцреализма, хотя первые его рассказы публиковались в журнале «Октябрь».

«Когда я попадаю на правду — правду изображения или правду описания, — то начинаю сам для себя делать выводы. <...> Меня поучения в искусстве очень настораживают. Я их боюсь. Я никогда им не верю, этим поучениям», — говорил он (*Шукшин*, 8: 190).

И даже в первом рассказе «Двое на телеге» есть правда, это правда характера: молоденькой фельдшернице хорошо в избе пасечника, на улице дождь, но она вспоминает о больных и требует ехать за лекарством в Березовку. Правда характера в том, что у нее нет жизненного опыта, она комсомолка, она вспомнила врача, который скажет: «Молоды вы и слабоваты» (*Шукшин*, 1: 32).

Не случайно также, что уже третий опубликованный рассказ назывался «Правда». Герой рассказа, директор совхоза, на межрайонном совещании «выдал огневую речь». Но он утаил мор свиней. Новый директор соседнего совхоза говорит ему об этом. Перед читателем раскрываются две позиции: «опытного человека» и «новичка». Спокойствие и уверенность «новичка» — не просто свойства характера, за ними стоит *правда* как ценность.

В предисловии к одной из книг Василия Белова Шукшин предлагал различать «правдивость» и «правду»:

«Во всяком случае то, что я сейчас разумею под “правдивостью”, — хитрая работа тренированного ума, способного более или менее точно воспроизвести схему жизни, — прямо враждебно живой правде» (*Шукшин*, 1: 83).

Такие «схемы» воспроизведены во многих рассказах писателя. В «Критиках» дед разглядел фальшь в городской картине про деревенскую жизнь. Его правда в том, что он «половину этой деревни своими руками построил» (*Шукшин*, 1: 178). Но ведь и в современных картинах про деревенскую жизнь — «правдивость», а не «Правда»¹³.

Вторая правда — это правда характера:

«Вообще о положительном герое знают все — какой он **должен** быть. И тут, по-моему, кроется ошибка: не надо знать, какой

должен быть положительный герой, надо знать, какой он **есть** в жизни» (Шукшин, 8: 249).

Характер — центральное понятие в эстетике Шукшина:

«Сюжет? Это характер. Будет одна и та же ситуация, но будут действовать два разных человека, будут два разных рассказа — один про одно, второй совсем-совсем про другое» (Шукшин, 8: 249).

Правда характера исключает идеализацию и мифологизацию народа.

Третья правда — правда слова и поступка. Демагогия была основой коммунистического мифа, так называемого «научного коммунизма». Шукшин не мог не чувствовать внутренней лжи этого мифа, хотя и был членом КПСС. Бытовое поведение «*homo soveticus*» определялось двоемыслием: одно говорили с трибуны — иное на кухне:

«И стало это у Константина Смородина как болезнь: днем, на работе, рисует свои вывески, плакаты, афиши, а вечером, дома, начинает все ругать — свою работу, своих начальников, краски, зрителя, всех и все» (Шукшин, 8: 239).

И до «Калины красной» и после фильма от Шукшина требовали положительного героя, героя-труженика. Шукшин отвечал:

«Положительный герой — что же он такое? Критерий, по-моему, один — как его положительность меряет сам народ. Ребенок, подрастая, учится от отца и матери, что вот этот — пропойца или нечист на руку, а тот — честный, добрый человек. Житейскую мудрость все мы впитываем сызмальства. Народ несет правду и воспитывает новые поколения на своей правде» (Шукшин, 8: 103).

Е. Вертлиб справедливо заметил: «Нравственное сознание Шукшина религиозно по духу, а не по “букве”: не в смысле подражания Писанию, а в сути воплощения писателем христианских заветов» [Вертлиб: 256]. «Правда» Шукшина носила провокативный характер по отношению к эстетике соцреализма с ее главным принципом партийности.

Концепт «правда», связанный с христианской картиной мира и с христианскими ценностями, лежит в основании русской

культуры, определяет главные векторы ее развития. И чтобы не быть Иванами, не помнящими родства, мы обязаны помнить и о *правде и истине* Достоевского, и о *правде* Толстого, и о *правде* Чехова, и о *правде* Шукшина.

Примечания

- ¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Астрель-Аст, 2001. Т. 3. С. 626.
- ² Михайловский Н. К. Письма о правде и неправде // Михайловский Н. К. Собр. соч.: в 6 т. СПб., 1909. Т. 4. С. 384. См. также лингвистический анализ «правды» как антитезы «лжи»: [Байрамова]; о соотношении «лжи», «правды», «истины» см.: [Кавацца].
- ³ Пушкин А. С. Моцарт и Сальери // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 323.
- ⁴ О Христе и истине у Достоевского см.: [Тихомиров]. См. также: [Брода], [Есаулов].
- ⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 29. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома и страницы в круглых скобках. Подробнее см.: [Захаров, 2013].
- ⁷ В повести о самоубийце, конечно же, вопрос о вере главный. Подробнее см.: [Кушнарченко].
- ⁸ О реформе суда и отношении к ней Достоевского см.: [Артамонова].
- ⁹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 20 т. М.: ГИХЛ, 1963. Т. 7. Война и мир. С. 190.
- ¹⁰ Подробнее см.: [Собенников].
- ¹¹ Чехов А. П. Собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. Письма. С. 11. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Чехов* и указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ¹² Шукшин В. М. Нравственность есть правда // Шукшин В. М. Собр. соч.: в 8 т. Барнаул: ООО «Издательский дом Барнаул», 2009. Т. 8. С. 36. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Шукшин* и указанием тома и страницы в круглых скобках. Статья «Нравственность есть правда», безусловно, одна из лучших в публицистике Шукшина. «Эта работа принципиально важна для понимания исторической и эстетической концепции писателя», — отметили А. И. Куляпин и О. Г. Левашова [Куляпин, Левашова: 21].
- ¹³ В статье И. И. Плехановой отмечается провокативный характер «правды» у Шукшина (см.: [Плеханова]).

Список литературы

1. Артамонова Л. А. «Правда народная» и «правда среды»: к вопросу об историософской концепции Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2013. Т. 19. № 2. С. 133–137.
2. Байрамова Л. К. Аксиологическая фразеологическая диада «правда» — «ложь»: культурологический аспект // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 18–24.
3. Брода М. Голос русской правды... мысль Ф. М. Достоевского в русской интеллектуально-культурной традиции (посткантианская философская перспектива) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2017. № 1 (9). С. 7–26.
4. Вертлиб Е. Русское — от Загоскина до Шукшина: опыт непредвзятого размышления. СПб.: Библиотека «Звезды», 1992. 414 с.
5. Захаров В. Н. Poleмика как диалог: Достоевский в споре с Л. Толстым // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 242–255 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516700.pdf (10.10.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.383
6. Захаров В. Н. Что есть истина // Евангелие Достоевского: в 3 т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 3. С. 9–19.
7. Есаулов И. А. Пушкинская речь Ивана Шмелева: новый контекст понимания // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 405–426 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429870331.pdf (10.10.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.394
8. Кавацца А. Ложь и правда в свете евангельской истины (роман Ф. М. Достоевского «Бесы») // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 4. С. 59–75 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1512473237.pdf (10.10.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4582
9. Коробов В. И. Василий Шукшин. Вещное слово. М.: Молодая гвардия, 1990. 405 с.
10. Куляпин А. И., Левашова О. Г. В. М. Шукшин и русская классика. Барнаул: АлтГУ, 1998. 102 с.
11. Кушнаренко Я. В. Православная аксиология Ф. М. Достоевского на примере рассказа «Кроткая» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). Вып. 18. С. 279–292.
12. Плеханова И. И. Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 18–29.
13. Собенников А. С. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: о религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова. Иркутск: ИГУ, 1997. 224 с.
14. Тихомиров Б. Н. Христос и истина в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» // Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. С. 92–124.

References

1. Artamonova L. A. "National Truth" and "Truth of the Environment": to the Question About Historiosophical Concept of Dostoevsky's "Diary of a Writer". In: *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], 2013, vol. 19, no. 2, pp. 133–137. (In Russ.)
2. Bayramova L. K. The Axiological Phraseological Dyad "Truth" — "Lie": Culturological Aspect. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2016, no. 2 (44), pp. 18–24. (In Russ.)
3. Broda M. Voice of the Russian Truth... the Thought of F. M. Dostoevsky in the Russian Intellectual-Cultural Tradition in the Post-Kantian Philosophical Perspective. In: *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*, 2017, no. 1 (9), pp. 7–26. (In Russ.)
4. Vertlib E. *Russkoe — ot Zagoskina do Shukshina: opyt nepredvzyatogo razmyshleniya* [The Russianness — from Zagoskin to Shukshin: The Experience of an Unbiased Reflection]. St. Petersburg, Biblioteka «Zvezdy» Publ., 1992. 414 p. (In Russ.)
5. Zakharov V. N. The Polemics as a Dialogue: Dostoevsky in a Controversy with Tolstoy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2013, no. 11, pp. 242–255. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516700.pdf (accessed on October 10, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.383 (In Russ.)
6. Zakharov V. N. What is Truth. In: *Evangelie Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Gospel of Dostoevsky: in 3 Vols]. Tobolsk, Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2017, vol. 3, pp. 9–19. (In Russ.)
7. Esaulov I. A. Pushkin Speech of Ivan Shmelev: New Context of Understanding. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2013, no. 11, pp. 405–426. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429870331.pdf (accessed on October 10, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.394 (In Russ.)
8. Cavazza A. Lie and Truth in the Terms of Evangelical Verity (F. Dostoevsky's Novel "The Demons"). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2017, vol. 15, no. 4, pp. 59–75 Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1512473237.pdf (accessed on October 10, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4582 (In Russ.)
9. Korobov V. I. *Vasily Shukshin. Veshchee slovo* [Vasily Shukshin. The Prophetic Word]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 405 p. (In Russ.)
10. Kulyapin A. I., Levashova O. G. *V. M. Shukshin i russkaya klassika* [V. M. Shukshin and Russian Classics]. Barnaul, Altai State University Publ., 1998. 102 p. (In Russ.)
11. Kushnarenko Ya. V. F. M. Dostoevsky's Orthodox Axiology Illustrated by the Story "The Meek Woman". In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy, Sociology, Law], 2011, no. 20 (115), issue 18, pp. 279–292. (In Russ.)

12. Plekhanova I. I. Provocation in V. Shukshin's Artistic Consciousness: Motifs and Limits of Testing Meanings. In: *Filologicheskiy klass [Philological Class]*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 18–29. (In Russ.)
13. Sobennikov A. S. «*Mezhdú "est' Bog" i "net Boga"...*»: o religiozno-filosofskikh traditsiyakh v tvorchestve A. P. Chekhova [«*Between "there is God" and "there is no God"...*»: on the Religious and Philosophical Traditions in the Works of Anton Chekhov]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1997. 224 p. (In Russ.)
14. Tikhomirov B. N. Christ and Truth in Ivan Karamazov's Poem "The Grand Inquisitor". In: *Tikhomirov B. N. «...Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom»: stat'i i esse o Dostoevskom [Tikhomirov B. N. "...I Deal with this Mystery Because I Want to Be Human": Articles and Essays on Dostoevsky]*. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2012, pp. 92–124. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Собенников Анатолий Самуилович - *Anatoly S. Sobennikov*, PhD (Philology), профессор, Военный институт of Railway Troops and Transportation Service (ul. Suvorovskaya 1, St. Petersburg, Петергоф, 198504, Russian Federation); г. Санкт-Петербург, г. Петергоф, ORCID: <https://0000-0002-8202-4043>; Российская Федерация, 198504); e-mail: assoben52@mail.ru
ORCID: <https://0000-0002-8202-4043>;
e-mail: assoben52@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 20.10.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.02.2021

Принята к публикации / Accepted 01.03.2021

Дата публикации / Date of publication 05.05.2021